

З. С. БОЧАРОВА

РОЛЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920–1930-Х ГОДОВ В СТАНОВЛЕНИИ УНИВЕРСАЛЬНОГО СТАТУСА БЕЖЕНЦЕВ

Статья посвящена роли эмигрантских организаций в формировании правового статуса российских беженцев. Два этапа законодательства эмиграции налицо. Первый этап касался выдачи специальных удостоверений личности, известных как паспорта Нансена. Второй связан с усилиями эмигрантских адвокатов по принятию единого правового статуса для российских беженцев. Выделены противоречивые позиции эмигрантов относительно обоснования отказа от российских паспортов и введения новых, без гражданства. Показана как роль Земгора в разработке Свидетельства, так и роль Центральной юридической комиссии по изучению положения российских беженцев в подготовке Соглашения (1928 г.) и последующей Конвенции (1933 г.) о статусе русских и армянских беженцев.

Ключевые слова: совещательный комитет при верховном комиссаре по делам русских беженцев, совещание послов, К.Н. Гулькевич, М.Н. Гирс, Ф. Нансен, Т. Джонсон, А.Н. Мандельштам

Точкой отсчета современного правового режима относительно беженцев стала деятельность Зарубежной России 1920–1930-х гг. по урегулированию правового положения бывших граждан Российской империи, бежавших от советской власти. Проблема актуальна для зарубежной¹ и отечественной историографии². Осваивается история вопроса и соответствующая деятельность Лиги Наций, специфика и особенности положения изгнанников по странам, обращено внимание и на конкретные социальные и профессиональные группы³. Однако вклад русских организаций в формирование особого юридического статуса лиц, оставшихся без поддержки отечества после эпохи революционных катаклизмов, специальным предметом исследования не был.

Для осмысления правового пространства русского Зарубежья исходным является признание раскола России на советскую и зарубежную. В 1920 г. А.С. Яценко, правовед, философ, библиограф, не вернувшийся из научной командировки в 1919 г., писал об исчезновении

---

¹ Holborn 1938; Hathaway 1984; Гудвин-Гилл 1997; Marrus 2002; Klein-Gousseff 2008; Gafarowski 2014; White 2017 и др.

² Сабенникова 2002; Ипполитов 2004; Правовое положение... 2006; Сергиенко, Аурилене 2007; Мосейкина 2010; Мосейкина 2011; Миронова 2013; Наземцева 2017; 2018; Микуленок 2018.

³ Некоторые вопросы в отечественной историографии разрабатываются более активно, чем за рубежом. Так, Т.М. Симонова и П. Глушковский отмечают, что «проблематика правового положения русских эмигрантов и беженства в Польше более подробно изучена российскими историками». – Симонова, Глушковский 2018. С. 62.

страны из международно-правовой жизни, и о том, что «русские люди... превратились в людей без государства, без подданства»⁴. Едва ли не единственным институтом, сохранявшим свою инфраструктуру, пользовавшимся международным авторитетом и способным повлиять на изменение правового пространства, в котором оказались бывшие подданные Российской империи, оставался русский дипломатический корпус, направивший основные усилия на сохранение России вне ее территориальных границ. Центральным звеном этой системы стало совещание послов во главе с М.Н. Гирсом. Постепенно разворачивался процесс самоорганизации эмигрантского сообщества. Бывшие депутаты Государственной думы, Учредительного собрания попытались взять в свои руки представительство интересов русских за рубежом. Одним из самых удачных проектов стала деятельность Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (РЗГК, Земгор). Активность проявляло также Российское общество Красного Креста (старая организация) (РОКК), имевшее свои денежные активы еще со времен Первой мировой. Так рождалась Россия зарубежная.

В силу массовости исхода и проявляемой эмиграцией инициативы «русский вопрос» оказался в сфере внимания мирового сообщества. Молодая, только что созданная межправительственная организация – Лига Наций, координировавшая решение важнейших и самых злободневных проблем, по настоянию Международного комитета Красного Креста пошла на создание летом 1921 г. верховного комиссариата по делам русских беженцев во главе с Ф. Нансеном. Представитель Норвегии к этому времени завершил работу по возвращению военнопленных и беженцев (термин тогда использовали для обозначения мирного населения, спасавшегося из прифронтовой зоны) в рамках соответствующего комиссариата. Аргументом в пользу выбора этой кандидатуры стал авторитет личности будущего верховного комиссара и налаженные контакты с советской стороной в ходе международной помощи по борьбе с голодом в России. Проблема беженцев находилась в ведении Пятой комиссии по социальным вопросам наряду с другими – об эсперанто, торговле женщинами и детьми, продаже опиума, борьбе с порнографией и т.д. Поэтому ее члены всецело полагались на Ф. Нансена⁵.

Лига Наций рассматривала «русский вопрос» как временный. В ее представлении решение должно было заключаться в переписи, расселении, трудоустройстве, но главным образом – в возвращении русских к родным очагам. Предполагалось, что к 1924 г. верховный комиссариат свои задачи выполнит, и вопрос будет закрыт. Иную позицию занимала эмиграция. Юристы взяли в свои руки разработку предложений по упо-

⁴ Ященко 2003. С. 39.

⁵ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 5.

рядочению правового положения бывших подданных Российской империи за границей. 10 января 1921 г. юрист-международник, бывший директор юридического департамента министерства иностранных дел, юрисконсульт парижского посольства, член-корреспондент Института международного права А.Н. Мандельштам разослал российским миссиям за рубежом записку «О правовом положении русских эмигрантов в иностранных государствах, которые признали бы Советскую республику»⁶. Автор проанализировал различные варианты решения вопроса в зависимости от национальной правовой системы страны-реципиента, наличия/отсутствия советских, прежних российских дипломатических и/или консульских учреждений. Правительствам предлагалось признавать удостоверения личности, выданные русскими несоветскими властями или миссиями за рубежом, а также «русскую национальность» их обладателей⁷. Эта записка⁸, наряду с другими материалами, была положена в основу доклада, представленного Бюро защиты прав русских граждан за границей на Общем съезде представителей русской промышленности и торговли в Париже 18 мая 1921 г.⁹ Однако должного развития эти предложения не получили.

На конференции представителей правительств десяти стран в августе 1921 г. обсуждались вопросы об источниках финансовой помощи, использовании русских заграничных фондов. А главное – об учреждении документов о личности (сертификатов, паспортов) для беженцев, не имевших документов, и с целью унификации имевшихся у них на руках. Такие сертификаты необходимы были, прежде всего, для перемещения по странам в поисках работы. Чтобы не остаться на обочине процесса урегулирования статуса беженцев, русские организации стали хлопотать о возможности быть представленными в Лиге Наций. В итоге РОКК делегировал свои полномочия Ю.И. Лодыженскому; Земгор – С.В. Паниной и Н.И. Астрову; дипломатические круги (совещание послов) – с 1922 г. К.Н. Гулькевичу, именно он стал играть посредническую роль между эмиграцией и Лигой Наций, с ним непосредственно контактировал секретарь верховного комиссара. Эти представители (за исключением Гулькевича) 13 сентября 1921 г. в составе русской делегации, куда вошли также чрезвычайный посланник и полномочный представитель Временного правительства в Швейцарии, признанный де факто швейцарским правительством И.Н. Ефремов и А.Н. Мандельштам, встретились с Нансеном. К тому времени верховный комиссар уже ознакомился

---

⁶ Русские беженцы... 2004. С. 227; Записка А.Н. Мандельштама...; АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 1. Л. 1–8; ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 7. Л. 33–44.

⁷ Бюллетень № 9–10 1922. С. 27.

⁸ Личный статут русских...

⁹ Подробнее см.: Шацилло 2008.

с записками Русского национального комитета¹⁰ и Русского совета¹¹, которые, претендуя стать преемственными органами власти и объединить все эмигрантское сообщество под своей эгидой, независимо друг от друга заявили претензии на исключительное право защищать интересы россиян за рубежом. Нансена обеспокоило отсутствие единства в рядах эмигрантов. Члены делегации постарались дистанцироваться от политических кругов, определив свою миссию как гуманитарную¹².

Возможно, этот визит повлиял на решения международной конференции, состоявшейся 16–19 сентября 1921 г. в Женеве, которая рекомендовала правительствам укреплять сотрудничество с российскими несоветскими дипломатическими миссиями, учредить представительства по делам беженцев (по одному делегату от местной власти и от Ф. Нансена). В помощь верховному комиссариату по делам русских беженцев создавался совещательный комитет. В этот вновь создававшийся орган вошли делегаты от международных и национальных гуманитарных организаций, финансово независимых, зарекомендовавших себя в области оказания помощи беженцам, кроме русских. Вскоре допустили и русские организации, и в комитет вошли представители совещания послов, Земгора и РОКК. К 1935 г. «в целях получения возможности с большим успехом отстаивать интересы русской эмиграции»¹³ русских насчитывалось уже 12 из 38 входивших в комитет организаций.

Совещательный комитет дважды в ноябре 1921 г. заслушал доклады об идентификационных документах для беженцев (*Certificat de réfu-*

---

¹⁰ Русский национальный комитет (РНК) – центральный орган Русского национального объединения (РНО), созданного в июне 1921 г. в Париже. Цель организации – политическая борьба против большевизма, поддержка Русской армии генерала П.Н. Врангеля, сотрудничество с эмигрантскими учреждениями и организациями, защита интересов российских беженцев. РНО издавало газеты «Общее дело» (1918–1934), «Вестник русского национального комитета» (1923–1926) и др. Председатель президиума РНК – А.В. Карташев, товарищи председателя – А.А. Бубликов, С.С. Ольденбург, П.Б. Струве и др., секретарь президиума – Ю.Ф. Семенов. Комитет имел отделы в европейских странах проживания российских эмигрантов.

¹¹ Русский совет был создан 5 апреля 1921 г. при главнокомандующем П.Н. Врангеле, объединял представителей разных политических течений (монархисты, кадеты, социал-демократы (меньшевики). Две трети из 30-ти его членов избирались от парламентского комитета, земского и городского союзов, торгово-промышленной и финансовой группы, русской академической группы, одна треть назначалась Врангелем. Старшим товарищем председателя был И.П. Алексинский, вторым товарищем В.В. Мусин-Пушкин. Основные программные принципы – «продолжение борьбы с большевиками, предоставление народам России свободного решения вопроса о формах ее государственного устройства, сохранение всех сил и средств, необходимых для воссоздания будущей России». Последнее заседание состоялось 20.09.1922.

¹² ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 199. Журнал № 27 общего собрания РЗГК от 6 октября 1922 г.

¹³ Чему свидетели мы были... 1998. Кн. 1. С. 343; см. также: ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 13. Л. 11, 11 об., 16 об., 20–25, 37, 40 и др.

gie). На заседаниях прозвучали разные позиции относительно условий их выдачи. Верховный комиссар высказался за возможность получения беженцами обычных национальных паспортов тех стран, где они находились. Юридическая секция генерального секретариата Лиги Наций настаивала на особых удостоверениях личности, выдаваемых местными властями либо представителями верховного комиссара. Международное бюро труда (МБТ) допускало возможность выдачи сертификатов русскими учреждениями¹⁴. Обсуждался также вопрос о характере, степени обязательности этих документов. Остановились на добровольном волеизъявлении государств и беженцев, ибо положение в разных странах не отличалось единообразием.

К разработке проектов сертификатов для беженцев были привлечены юристы-эмигранты. М.Н. Гирс сформировал юридическую комиссию при совещании послов «для правильного направления и обсуждения вопроса беженства»¹⁵. Однако целесообразность введения международного документа признавалась далеко не всеми. Юрисконсулт Финансово-промышленного союза А.А. Пиленко заявлял, что сертификат международного образца не только ухудшит положение членов Союза, но и подорвет престиж российских консульских учреждений, а потому предлагал в странах, где сохранились старые российские миссии, документы Лиги Наций не выдавать. Н.И. Ефремов, глава российской миссии в Берне, также высказал опасения, что упразднение русских паспортов, «символа русской государственности», и учреждение верховного комиссариата по делам русских беженцев приведет к умалению значения российских представительств – «осколков», «пусть даже фикции оплота» русской государственности¹⁶. Более реалистичную позицию занял Гирс, допускавший возможность введения при определенных условиях универсальных идентификационных документов.

Сторонники учреждения сертификатов – юрисконсулт Земгора Я.Л. Рубинштейн, П.П. Гронский – приводили следующие аргументы. Во-первых, эти документы облегчат получение беженцами виз в страны, признавшие советские паспорта (например, Польша, Норвегия). Во-вторых, они могут заменить национальные паспорта, необходимые для предъявления при получении разрешения на пребывание в любой стране. В-третьих, в случае признания большевиков той или иной страной, для беженцев сохранялась возможность обращения за документами в независимое, альтернативное советским, учреждение.

31 января 1922 года в российском посольстве в Париже под председательством В.А. Маклакова состоялось совещание русских юристов

---

¹⁴ Бюллетень № 9–10 РЗГК. С. 28–29.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 27 об. Письмо К.Н. Гулькевича от 20 декабря 1921 г.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 46. Л. 344. Письмо Н.И. Ефремова М.Н. Гирсу от 20 января 1923 г.

с представителями юридической секции Лиги Наций (Э. Фриком, В. Славиком, Энглезом, Маккиненом). Накануне Исполком Земгора определился с собственной позицией, поддержав введение паспортов и их факультативный характер, и выдвинул Я.Л. Рубинштейна представлять организацию на предстоящей встрече. По-видимому, другие эмигрантские объединения действовали по тому же сценарию. После бурных дискуссий¹⁷ участники заседания приняли предложения делегата от Земгора. Рубинштейн также настаивал на внесении в документ национальности его обладателя («русского происхождения») и чтобы в самом названии сертификата не упоминалось о «беженстве» (*réfugie*). Собрание признало также необходимым закрепить в документе обязательство Лиги Наций и правительства, защищать права его обладателя¹⁸.

2 февраля 1922 г. состоялось второе заседание совместного совещания, на повестке дня которого стояли вопросы о личном статусе и положении беженцев в капитуляционных странах. Русские организации отстаивали приоритет русских дореволюционных законов в тех странах, где права иностранца определялись по его национальному праву. Применение советских декретов было признано недопустимым и нарушающим право убежища. Более того, использование по отношению к русским беженцам права страны местонахождения (домициля) расценивалось как отрицание за ними их «принадлежности к определенному национальному единству». Результатом стало компромиссное решение: страны, не признавшие Советы, могли опираться на добольшевистское право, а установившие дипломатические отношения с РСФСР – применять советские декреты. Достиженные соглашения были зафиксированы в протоколе и направлены в Женеву¹⁹.

Уже в марте 1922 г. Совет Лиги Наций одобрил проект сертификата для русских беженцев. Предлагалось выдавать удостоверение личности только по желанию, визировать их таким же порядком, как и паспорта граждан других стран, внести в содержание текста документа слова об оказании предъявителю помощи и покровительства, а также возможности «свободно путешествовать и пребывать в других странах». Лига Наций разослала запрос заинтересованным странам об их отношении к проекту сертификатов, а также призвала правительства выдавать и визировать документы бесплатно²⁰. Совещательный комитет 29–30 мая 1922 г. одобрил рекомендации, выработанные юридической комиссией

---

¹⁷ Например, А.А. Пиленко настойчиво, но безуспешно предлагал вместо предлагаемого сертификата документы, выдававшиеся местными властями для легализации иностранцев – «перми де сежур», а также заключить по этому поводу специальное соглашение о возможности их визирования.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1 Д. 46. Л. 420–421. Доклад Я.Л. Рубинштейна от 8 февраля 1922

¹⁹ Там же. Л. 423. Доклад Я.Л. Рубинштейна от 8 февраля 1922 г.

²⁰ Бюллетень № 9–10 РЗГК. С. 30.

Лиги Наций при содействии юристов-эмигрантов. Итоговое решение должна была вынести межправительственная конференция.

Тем временем М.Н. Гирс разослал 22 апреля 1922 г. циркулярное письмо своим дипломатическим представителям. Он рекомендовал им склонить власти государства, при котором они аккредитованы, в своем ответе секретариату Лиги Наций высказаться в пользу изменений в наименовании учреждаемых верховным комиссариатом документов, и вместо «Certificat de réfugié» (удостоверение беженца) ввести «Passerport provisoire» (временный паспорт) с тем, чтобы сохранить связь с русской государственностью, а не стать «международными бродягами» без отечества²¹. В конце концов Пятая комиссия Лиги Наций согласилась на уступку и приняла название «Certificat d'identité» (удостоверение личности), а наименование «беженец» было заменено на «русский по происхождению, не приобретший никакой другой национальности»²².

Конференция состоялась 3–5 июля 1922 г. в Женеве. В ней приняла участие 16 государств. Был утвержден текст удостоверения личности и правила его выдачи. Владелец паспорта определялся как лицо «русского происхождения, не приобретшее никакой другой национальности». Документ должно было выдать правительство страны-реципиента. Отстоять равенство прав русских беженцев с правами граждан, имевших государственную защиту, не удалось, хотя и не отрицалось их особое юридическое положение. Гарантий возвращения, в случае поездки в другую страну, сертификат не предоставлял. Правительства отказались связывать себя какими-либо обязательствами относительно защиты беженцев, сделав тем самым шаг назад от проекта документа, утвержденного совещательным комитетом и Советом Лиги Наций. По оценке представителей русских организаций, эффективность итогового документа была значительно ниже предполагаемой.

В целом русским организациям удалось продвинуться в направлении универсализации правового пространства беженцев. Таким образом, учреждаемые документы призваны были компенсировать отсутствующие у изгнанников удостоверения личности, унифицировать имеющиеся на руках у них паспорта²³, облегчить в какой-то мере получение виз и, соответственно, возможность трудоустройства в других странах.

В августе 1922 г. Лига Наций предложила правительствам высказать свое мнение по поводу удостоверений личности, принятых на Женевской конференции 5 июля 1922 г., и подписать соглашение. Выяви-

²¹ АВП РИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 56. Л. 16об.

²² Национальность трактовалась в данном контексте как гражданство или подданство.

²³ У бывших подданных Российской империи могли быть заграничные паспорта, выданные губернаторами в дореволюционный период, белыми правительствами, консульствами нейтральных стран (Голландии, Испании), российскими миссиями за рубежом и пр.

лось неоднозначное отношение к документу. Наряду с государствами, одобрившими систему новых документов, выделились те (Бельгия, Чехословакия, Эстония), которые к тому времени решили проблему, приравняв беженцев к местным гражданам в отношении получения заграничных паспортов, тем самым предоставив возможность возвращения без дополнительных разрешений²⁴. В этом случае введение документа Лиги Наций ухудшило бы положение эмигрантов. Часть государств, не смирившихся с невозможностью выслать обладателя сертификата в страну, из которой он прибыл, не признали документ. Другие (например, Румыния) готовы были ввести паспорт, но с тем, чтобы дать возможность беженцу выехать из страны и обосноваться в другом месте²⁵.

В эмигрантской среде мнения также разделились. Совет послов получал письма от соотечественников с жалобами на то, что некоторые правительства придают нансеновским паспортам обязательный характер. Поэтому, рассылая циркулярные письма, Гирс пытался через прежние российские дипломатические представительства и миссии отстоять, насколько возможно, легальность тех паспортов, которые предоставляли российские (несоветские) учреждения за границей. Он подчеркивал лишь компенсаторную роль документов образца Лиги Наций²⁶.

Вводимые удостоверения личности не разрешали весь комплекс правовых проблем, с которыми сталкивались бывшие российские подданные. Ввиду неопределенности функций и роли российских миссий, необязательности решений Лиги Наций, неустойчивости русских эмигрантских организаций, положение беженцев в большой степени оставалось зависимым от доброй воли правительств тех государств, которые их приютили. Юристы-эмигранты, считая своей святой обязанностью защиту правовых интересов соотечественников, на своем первом съезде 1 октября 1922 г. обозначили самые болезненные точки, в том числе подняли вопрос о квалификации изгнанников – «беженцы», «политические эмигранты», имеющие право на убежище, или «апатриды»? Съезд постановил добиваться внесения в сертификаты, одобренные международным соглашением от 5 июля 1922 г., дополнения о праве безвизового возвращения в страну, выдавшую паспорт. Реализовать эту задачу удалось лишь четыре года спустя.

Ко второй половине 1920-х гг. советский строй стабилизировался, и возвращение на родину в результате падения большевистского режима всерьез уже не рассматривалось. В основном закончилось расселение и обустройство беженцев, и центр тяжести в решении «русского

---

²⁴ ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 70; РГВА. Ф. 720к. Оп. 1. Д. 103. Л. 144–144 об.; Русские беженцы... С. 215.

²⁵ ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 72; Русские беженцы... С. 217.

²⁶ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 169.

вопроса» переместился на урегулирование и унификацию правового статуса. Кроме того, европейский рынок труда был исчерпан, что заставило задуматься о возможности поиска работы в заокеанских странах. Однако пометка в удостоверении личности Лиги Наций «без права возвращения» становилась препятствием для переселения, так как латиноамериканские страны в этом случае не давали визу. Да и мигранту психологически проще было отправиться в дальнюю дорогу в незнакомую страну, зная, что может вернуться. Таким образом, встали новые задачи: пересмотр системы удостоверений личности для получения гарантий возможности возвращения в страну, выдавшую сертификат, обеспечение источников финансирования переезда и обустройства на новом месте жительства и получение объективной информации об условиях переезда и адаптации на новом месте.

С актуализацией проблемы трудоустройства и истечением срока, на который учреждался верховный комиссариат по делам беженцев, пятая сессия Ассамблеи Лиги Наций (1924 г.) высказалась за перевод с 1 января 1925 г. комиссариата из прямого подчинения секретариату Лиги в Международное бюро труда (МБТ). На верховном комиссариате оставались только правовые вопросы. Поскольку МБТ отвечало в первую очередь за трудоустройство, русские эмигрантские организации возложили на себя задачу помощи Ф. Нансену в деле разработки предложений по урегулированию правового статуса беженцев.

Верховный комиссариат провел анкетирование правительств и просил выслать предложения по улучшению положения русских эмигрантов. Центральная юридическая комиссия по изучению вопроса о правовом положении беженцев²⁷ (под председательством Б.Э. Нольде, в составе А.Н. Мандельштама, А.А. Пиленки, П.П. Гронского, Я.Л. Рубинштейна²⁸) собрала и обобщила подробные анкетные сведения, присланные русскими организациями с мест («все вопли со всех концов Европы и практику во всех странах»²⁹), разработала программу усовершенствования и унификации правового положения беженцев. Нольде писал Гулькевичу: «Все, что в нем [мемуаре] написано, основано на основательнейшей, произведенной всеми организациями, анкете. ... Мемуар исходит не от какой-нибудь одной организации, а от сотен организаций. Мы не прилагали списка их всех..., чтобы не имело вид жалоб»³⁰. Кроме того, содержание мемуара стало итогом общеэмигрантской дис-

---

²⁷ Центральная юридическая комиссия по изучению положения русских беженцев состояла из представителей Юридической комиссии Российского Эмигрантского комитета, Бюро Совета съездов русских юристов за границей, Юридической комиссии при совещании послов.

²⁸ Таубер 1933. С. 4.

²⁹ Русские беженцы... С. 232.

³⁰ Русские беженцы... С. 233.

куссии, в ходе которой вновь был поднят вопрос о правилах выдачи сертификатов (об их обязательности и факультативности, возможности выдачи Лигой Наций), о повышении их статуса. Гулькевич настаивал на исключительном праве Международного бюро труда, в ведении которого теперь находились беженские вопросы, выдавать сертификаты для апатридов. Но в силу серьезных возражений в итоговый вариант вошла формулировка в редакции Мандельштама о праве беженцев обращаться непосредственно в правительственные структуры стран пребывания³¹. Русские эксперты совещательной комиссии продолжали настаивать на замене выдававшихся сертификатов полноценными паспортами (как писал в одном из писем Гулькевич: «не наш лист, а *книжка*»³²), безусловности обратной визы. Осознавая бесперспективность поиска консенсуса по этим вопросам, Гирс предлагал сосредоточить усилия на формировании особого (оборотного) фонда, средства которого пошли бы на переселенческую и производственную помощь беженцам. Необходимо было убедить правительства, подписавшие Женевское соглашение 1922 г., направлять примерно половину сборов, взимаемых за выдачу беженских удостоверений, на нужды беженцев³³. По итогам обсуждений Мандельштам составил, а Гулькевич отредактировал проект записки, которую секретарь Нансена Т. Джонсон должен был довести до правительств от имени верховного комиссара³⁴.

К концу ноября 1925 г. текст мемуара, включавшего 14 пунктов, был готов, и Комиссия направила документ секретарю верховного комиссара Т. Джонсону³⁵. Как видим, проведению межправительственной конференции предшествовала серьезная подготовительная работа институтов Зарубежной России. 10–12 мая 1926 г. в Женеве представители 24 государств обсудили порядок создания оборотного фонда и оказания финансовой помощи мигрантам, а также изменение режима сертификатов. Делегаты не согласились на преобразование беженских сертификатов в полноценный паспорт. Таким образом, беженцы, идентифицированные как апатриды, составили особую категорию лиц, выделенную из круга полноправных граждан. Вместо предлагаемых Центральной юридической комиссией трех лет устанавливался годичный срок действия удостоверений. Конференция видоизменила и формулировку определения их держателей. Право на получение удостоверения личности Лиги Наций имело уже не просто лицо «русского происхождения, не принявшие никакого другого подданства», а «всякое лицо русского проис-

³¹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 42.

³² ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.

³³ Там же. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 33.

³⁴ См. записку на фр. яз. с поправками К.Н. Гулькевича: ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 37–39.

³⁵ Русские беженцы... С. 234–243.

хождения, которое не пользуется или перестало пользоваться покровительством СССР, и, которое не приобрело новой национальности». Теперь сертификат могли получить как утратившие советское гражданство, так и отказавшиеся от него. Делегаты откликнулись на пожелание русских общественных организаций по поводу гарантий возвращения беженцев в страну, выдавшую удостоверение личности Лиги Наций: выездная виза отныне предоставлялась вместе с обратной. Регулировался и размер сбора за сертификат. Конференция одобрила создание оборотного фонда (в первую очередь для помощи переселенцам), но не на основе правительственных ассигнований, а за счет уплаты 5-франковых сборов за получение и ежегодное продление удостоверений личности и других документов самими беженцами, достигшими 16 лет. Ввиду того, что такой сбор был тяжелым, порой непосильным бременем для многих эмигрантов, от него освобождались неимущие, однако грань обеспеченности не была определена, что вызвало недовольство эмиграции.

Б.Э. Нольде и Я.Л. Рубинштейн от имени Центральной комиссии по изучению положения русских беженцев подали секретарю верховного комиссара Т. Джонсону записку³⁶ с пожеланиями участия русского представителя в расходовании средств фонда и облегчения получения беженцами въездных виз. Ф. Нансен откликнулся на это предложение. В состав постоянной комиссии при верховном комиссариате, контролирующей оборотный фонд, был введен К.Н. Гулькевич, с правом совещательного голоса. Решение же о возможности использования части фонда, образуемого от продажи нансеновских марок, на местные нужды эмиграции было принято лишь три года спустя, в сентябре 1929 г., на десятой сессии Лиги Наций³⁷.

По итогам конференции не все пожелания русских организаций были учтены. Государства осторожничали, не спешили брать на себя безусловную защиту русских эмигрантов

Следующий шаг был сделан в направлении универсализации личных прав, юридического статуса беженцев. Верховный комиссар разослал заинтересованным правительствам анкету о правовом положении беженцев, и к 31 марта 1928 года получил ответы³⁸. Центральная комиссия по изучению положения русских беженцев также разослала

---

³⁶ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 11. Л. 33–37.

³⁷ Бюллетень № 55 РЗГК. 15 декабря 1929 г. С. 14. Например, во Франции половина нансеновского сбора шла в Лигу Наций, а другая половина поступала в распоряжение Распределительного комитета в Париже, который входил в состав образованного в 1924 г. Эмигрантского комитета во главе с В.А. Маклаковым. Средства, полученные от нансеновского сбора, Распределительный комитет направлял русским благотворительным организациям во Франции // Русские во Франции 1937. С. 3. Но во многих странах эти деньги целиком шли в Женеву.

³⁸ Таубер 1933. С. 6; ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 11. Л. 98.

русским эмигрантским учреждениям в странах рассеяния вопросник (всего 110 пунктов³⁹). Специальная техническая комиссия под председательством Я.Л. Рубинштейна обобщила и проанализировала ответы и на их основе разработала универсальные рекомендации⁴⁰ для очередной межправительственной конференции, посвященной специально правовому статусу русских и армянских беженцев. Предлагаемые меры во многом развивали тот режим, который уже сложился в ряде стран.

Конференция под эгидой МБТ, состоялась 28–30 июня 1928 года с участием 15 государств. Присутствовали помощник верховного комиссара Т. Джонсон и помощник директора МБТ Б.Г. Батлер⁴¹. Русскую эмиграцию представляли К.Н. Гулякевич, юристы-эксперты Б.Э. Нольде, Я.Л. Рубинштейн, А.А. Гольденвейзер. Присутствовали и представители нансеновского комиссариата из отдельных стран: Польши – Галлати, Болгарии – Б.С. Серафимов, Югославии – С.В. Юрьев; делегаты русских организаций – Я.Л. Тейтель, И.М. Брушвит.

Конференция была посвящена уже не только русским, но и армянским беженцам. После распространения Советом Лиги Наций в сентябре 1923 года программы удостоверений личности на армянских беженцев к решению беженского вопроса привлекались также армянские юристы (Л. Пашалаян). По оценкам Нансена, к июню 1924 года около 320 тысяч армян нуждались в удостоверениях личности⁴².

В программе конференции прослеживался системный и комплексный подход к беженскому вопросу. Положения, предложенные русскими организациями, в основном были учтены.

Межправительственное соглашение о юридическом статусе русских и армянских беженцев было подписано 30 июня 1928 года. Документ включал в себя две части. Предусматривалось учреждение представительств верховного комиссара для беженцев в разных странах (1 часть, 1 ст.) с консульскими полномочиями. Далее оговаривались личные права беженцев (2 часть, 2–9 ст.)⁴³. Конституирование представительств верховного комиссара вводило новый институт, не имевший прецедента в мировой практике. Это был логичный шаг, ибо за беженцами должно было стоять некое учреждение, призванное защищать их интересы. Вместе с тем это нововведение свидетельствовало о признании того факта, что беженский вопрос носит долговременный характер.

³⁹ Русские беженцы... С. 248–253; ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 11. Л. 57–60; Ф. 5908. Оп. 1. Д. 7. Л. 32–36.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 363. Л. 1–5; Ф. 6094. Оп. 1. Д. 11. Л. 102–106; Русские беженцы... С. 255–258.

⁴¹ Директор МБТ и верховный комиссар Нансен в силу обстоятельств отсутствовали.

⁴² Hathaway 1984. P. 352.

⁴³ См.: Таубер 1933. Приложение 1. С. 29–30.

На конференции встал также вопрос о разграничении функций нансеновских офисов, местных органов власти, эмигрантских организаций и советских представительств. После обсуждения решено было предоставить государствам возможность самостоятельно определять приоритетность тех или других учреждений.

Личные права, согласно достигнутым договоренностям, устанавливались на основе местного права, но допускалось также отступление в пользу законов досоветского времени. Было реализовано уравнивание беженцев в правах с гражданами стран пребывания. Формулировка: «этот паспорт не имеет силы для возвращения», была заменена на: «этот паспорт имеет силу для возвращения в страну, его выдавшую, в течение срока его действия». Гарантия возвращения в страну постоянного проживания, где была работа, жилье, семья, давала эмигранту относительную свободу передвижений. По прибытии на территорию СССР статус беженца утрачивался, как и действие обратной визы.

Принятие соглашения 30 июня 1928 года означало формирование единого правового пространства для беженцев, но при этом у государств оставались возможности для оговорок и изъятий.

После ухода из жизни Ф. Нансена в мае 1930 года должность верховного комиссара упразднили, беженская секция Лиги Наций была расформирована. 1 апреля 1931 г. был учрежден Международный офис по делам беженцев имени Ф. Нансена⁴⁴, деятельность которого предполагалось закончить к 31 декабря 1939 г. К.Н. Гулькевич стал заместителем председателя Правления Офиса (первый случай непосредственного участия представителя беженцев в международной организации), а также вошел в финансовую подкомиссию совещательного комитета частных организаций. Но влияние русских организаций значительно сократилось. Как писал Н.И. Астров, не стало и «прежних защитников – Ф. Нансена и А. Тома»⁴⁵. Ушел из жизни в 1935 г. и К.Н. Гулькевич⁴⁶, авторитет которого был недосягаем.

Последним взлетом русской инициативы в деле урегулирования правового положения эмиграции стала подготовка в рамках совещательной комиссии⁴⁷ конвенции о юридическом статусе русских и армянских беженцев, поскольку соглашение 1928 года носило рекомендательный характер. Конвенция была подписана 26–28 октября 1933 г. на

---

⁴⁴ Там же. С. 17; Доклад... 1931. Ст. 552; Чему свидетели мы были... Кн. 1. С. 42.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 49–50.

⁴⁶ Преемником К.Н. Гулькевича в 1935 г. был избран Я.Л. Рубинштейн. Подробно-сти его избрания см.: *См-й* 1935.

⁴⁷ В 1929 г. в рамках реорганизации верховного комиссариата совещательный комитет частных организаций высказался за создание межправительственной совещательной комиссии и предложил ввести в ее состав своих технических консультантов с правом совещательного голоса, коими стали Гулькевич, Рубинштейн, Нольде.

конференции в Женеве 12-ю государствами. 15 статей из 23-х регулировали правовой статус беженцев. Как компромисс сохранялось право государств на высылку мигранта из страны по соображениям национальной безопасности, т.е. если его действия нарушали общественный порядок и стабильность. (но не в страны происхождения беженцев – СССР и Турцию (для армян). Предусматривался более широкий спектр социального обеспечения беженцев. В то же время оставалась возможность для государств принимать ту или иную статью с оговорками.

После вступления в Лигу Наций Советского Союза его представители В. Потемкин и Б. Штейн настаивали не просто на ликвидации Офиса имени Ф. Нансена в 1939 г.⁴⁸, но и на исключении русского вопроса из повестки дня организации. Эмигранты осознавали, что их влияние на решение беженских вопросов будет сокращаться или сойдет на нет, и «помощь русским спасти можно, только связав ее с помощью другим» категориям беженцев⁴⁹. Что на практике и было осуществлено.

Таким образом, русские эмигрантские организации привлекли внимание к проблеме беженцев, наполнили само понятие «беженец» новым содержанием, и главное, приняли участие в разработке международно-правовых документов, заложивших основы упорядочения статуса беженцев, механизмов защиты их прав. Удалось добиться относительной унификации правового пространства для русских апатридов, проживавших в разных странах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 1. АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 56.
- Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 05. Оп. 16. П. 116. Д. 13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5680. Оп. 1. Д. 7.
- ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1 Д. 46.
- ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1.
- ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 7.
- ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56, 1126.
- ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 3, 7, 11, 13, 40, 43, 45.
- ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 363, 365.
- Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 720к. Оп. 1. Д. 103.
- Бюллетень № 55 Российского земско-городского комитета помощи русским гражданам за границей. 15 декабря 1929 г. Париж: РЗГК, 1929.
- Бюллетень № 9–10 Российского земско-городского комитета помощи русским гражданам за границей 15 декабря 1922 г. Париж: РЗГК, 1922.
- Гаухман-Черняк Т. Беженский вопрос в Лиге Наций // Закон и суд. 1937. № 3. Стб. 3549–3552.
- Гудвин-Гилл Г.С. Статус беженца в международном праве / пер. с англ. Иванченкова А.В.; под ред. Левиной М.И. М.: ЮНИТИ: регион. Представительство упр. Верхов. Комиссара ООН по делам беженцев в Рос. Федерации; Будапешт: Colpi, 1997. 647 с.
- Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.

⁴⁸ АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 116. Д. 13. Л. 315.

⁴⁹ Чему свидетели мы были... Кн. 1. С. 50–51.

- Доклад междуправительственной Совещательной комиссии при верховном комиссаре по делам беженцев (окончание) // Закон и суд. 1931. № 17. Стб. 551–552.
- Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Издательство Ипполитова, 2004. 376 с.
- Личный статут русских, не признающих большевистской власти (Доклад, представленный Бюро защиты прав русских граждан за границей на Общем съезде представителей русской промышленности и торговли в Париже 17–23 мая 1921 г.) // URL: http://www.airo-xxi.ru/projects_new/russkij_mir/2_1917-1928/#_Точ242082629
- Микуленок А.А. Положение детей-эмигрантов из России в лимитрофных государствах в 1920-е годы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 5. С. 129–135. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-5-129-135
- Миронова Е.М. Дипломатия небольшевистской России. От Певческого моста до улицы Гренель. 1917–1918. М.: ИВИ РАН, 2013. 253 с.
- Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуть». Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М.: РУДН, 2011. 383 с.
- Мосейкина М.Н. Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920-30 годы // Российская история. 2010. № 3. С. 98–115.
- Н. О. Письмо из Женевы // Закон и суд. 1929. № 3. Стб. 91–94.
- Наземцева Е.Н. Политико-правовое положение русских эмигрантов в Китае в китайско-советских отношениях 1920–1949 гг. М.: ИВ, 2017. 477 с.
- Наземцева Е.Н. Правовой статус беженцев как фактор межгосударственных отношений в сравнительно-историческом контексте: взаимодействие СССР и Китая в урегулировании правового положения русских эмигрантов в 1920-е – 1940-е гг. // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 4. С. 51–66. DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-10004>
- Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. Сб. науч. трудов / науч. ред. З.С. Бочарова. СПб.: Сударья, 2006. 353 с.
- Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы). Сб. документов и материалов / сост., публ., введение, примечания, биографический комментарий, именной указатель З.С. Бочарова). М.: РОССПЭН, 2004. 400 с.
- Русские во Франции. Справочник / под ред. В.Ф. Зеелера. Париж: Сарач, 1937. 86 с.
- Сабенникова И.В. Российская эмиграция. (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: Золотая буква, 2002. 429 с.
- Сергиенко В., Аурилене Е. Правовое положение русских в Маньчжурии (1920-е гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 6. С. 142–149.
- Симонова Т.М., Глушковский П. История русской эмиграции в Польше в 1919–1939 гг.: новые источники и современная историография проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 1. С. 50–73. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-50-73.
- Ст-й А. Как был в действительности выбран Я.Л. Рубинштейн // Последние новости. 1935. 3 ноября.
- Таубер Л.Я. Лига наций и юридический статут русских беженцев. Белград: б/и, 1933. 32 с.
- Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940 / МИД РФ; Служба внешней разведки РФ. В 2 кн. М.: Гя, 1998. 1179 с. Кн. 1. 430 с.
- Ященко А.С. Юридическое положение русских за границей // Русский Берлин / сост., предисл. и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 38–42.
- Gafarowski D. Международное сотрудничество в области урегулирования правового статуса русских беженцев в межвоенный период // VIII международная научно-практическая конференция «Россия и Европа: связь культуры и экономики». Praha, 2014. С. 486–494. DOI: 10.13140/2.1.5115.7440
- Hathaway J.C. The evolution of Refugee Status in International Law: 1920–1950 // International and Comparative Law Quarterly. 1984. Vol. 33. N. 2. P. 348–380.
- Holborn L.W. The Legal Status of Political Refugees, 1920–1938 // The American Journal of International Law. 1 October 1938. Vol. 32. N 4. P. 680–703.
- Klein-Gousseff C. L'exil russe: la fabrique du réfugié apatride, 1920-1939. P.: CNRS, 2008. 335 p.

- Marrus M.R. *The Unwanted: European Refugees from First World War Through the Gold War*. Philadelphia: Temple University Press, 2002. 414 p.
- White E. The legal status of Russian refugees, 1921–1936 // *Comparativ. Zeitschrift fur Globalgeschichte und Vergleichende Gesellschaftsforschung*. 2017. P. 18–38. Сайт University of the West of England. URL: <http://eprints.uwe.ac.uk/id/eprint/33611>

REFERENCES

- Byulleten' № 55 Rossijskogo zemsko-gorodskogo komiteta pomoshchi russkim grazhdanam zagranicej. 15 dekabrya 1929 g. Parizh: RZGK, 1929.
- Byulleten' № 9–10 Rossijskogo zemsko-gorodskogo komiteta pomoshchi russkim grazhdanam zagranicej 15 dekabrya 1922 g. Parizh: RZGK, 1922.
- Gauhman-Chernyak T. Bezhenskij vopros v Lige Nacij // *Zakon i sud*. 1937. № 3. Stb. 3549–3552.
- Gudvin-Gill G.S. Status bezhenca v mezhdunarodnom prave / per. s angl. Ivanchenkova A.V.; pod red. Levinoj M.I. M.: YuNITI: region. Predstavitel'stvo upr. Verhov. Komissara OON po delam bezhencev v Ros. Federacii; Budapesht: Colpi, 1997. 647 s.
- Guseff K. Russkaya emigraciya vo Francii: social'naya istoriya (1920–1939 gody) / per. s franc. E. Kustovoj; nauch. red. M. Bajssvenger. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s.
- Doklad mezhdupravitel'svennoj Soveshchatel'noj komissii pri verhovnom komissare po delam bezhencev (okonchanie) // *Zakon i sud*. 1931. № 17. Stb. 551–552.
- Ippolitov S.S. Rossijskaya emigraciya i Evropa: nesostoyavshijsya al'yans. M.: Izdatel'stvo Ippolitova, 2004. 376 s.
- Lichnyj statut russkih, ne priznayushchih bol'shevistskoj vlasti (Doklad, predstavlenyj Byuro zashchity prav russkih grazhdan za granicej na Obshchem s'ezde predstavitelej russkoj promyshlennosti i torgovli v Parizhe 17–23 maya 1921 g.) [Elektronnyj resurs] // URL: http://www.airo-xxi.ru/projects_new/russkij_mir/2_1917-1928/#_Toc242082629
- Mikulenok A.A. Polozhenie detej-emigrantov iz Rossii v limitirovnyh gosudarstvah v 1920-e gody // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2018. № 5. S. 129–135. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-5-129-135
- Mironova E.M. Diplomatika nebol'shevistskoj Rossii. Ot Pevcheskogo mosta do ulicy Grenel'. 1917–1918. M.: IVIRAN, 2013. 253 s.
- Mosejkina M.N. «Rassevany, no ne rastorgnuty». Russkaya emigraciya v stranah Latinskoj Ameriki v 1920–1960 gg. M.: RUDN, 2011. 383 s.
- Mosejkina M.N. Russkaya emigraciya v stranah Latinskoj Ameriki v 1920–30 gody // *Rossijskaya istoriya*. 2010. № 3. S. 98–115.
- N. O. Pis'mo iz Zhenevy // *Zakon i sud*. 1929. № 3. Stb. 91–94.
- Nazemceva E.N. Politiko-pravovoe polozhenie russkih emigrantov v Kitae v kitajsko-sovetskih otnosheniyah 1920–1949 gg. M.: IV, 2017. 477 s.
- Nazemceva E.N. Pravovoj status bezhencev kak faktor mezhdunarodnyh otnoshenij v sravnitel'no-istoricheskom kontekste: vzaimodejstvie SSSR i Kitaya v uregulirovanii pravovogo polozheniya russkih emigrantov v 1920-e – 1940-e gg. // *Sravnitel'naya politika*. 2018. T. 9. № 4. S. 51–66. DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-10004>
- Pravovoe polozhenie rossijskoj emigracii v 1920–1930-e gody. Sb. nauch. trudov / nauch. red. Z.S. Bocharova. SPb.: Sudarynya, 2006. 353 s.
- Russkie bezhency: Problemy rasseleniya, vozvrashcheniya na Rodinu, uregulirovaniya pravovogo polozheniya (1920–1930-e gody). Sb. dokumentov i materialov / sost., publ., vvedenie, primechaniya, biograficheskij kommentarij, imennoj ukazatel' Z.S. Bocharova. M.: ROSSPEN, 2004. 400 s.
- Russkie vo Francii. Spravochnik / pod red. V.F. Zeelera. Parizh: Sarach, 1937. 86 s.
- Sabennikova I.V. Rossijskaya emigraciya. (1917–1939): sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie. Tver': Zolotaya bukva, 2002. 429 s.
- Sergienko V., Aurilene E. Pravovoe polozhenie russkih v Man'chzhurii (1920-e gg.) // *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2007. № 6. S. 142–149.
- Simonova T.M., Glushkovskij P. Istoriya russkoj emigracii v Pol'she v 1919–1939 gg.: novye istochniki i sovremennaya istoriografiya problemy // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*. Seriya: Istoriya Rossii. 2018. T. 17. № 1. S. 50–73. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-50-73.

- St-j A. Kak byl v dejstvitel'nosti vybran Ya.L. Rubinshtejn // *Poslednie novosti*. 1935. 3 noyabrya.
- Tauber L.Ya. Liga nacij i yuridicheskij statut russkih bezhencev. Belgrad: b/i, 1933. 32 s.
- Chemu svideteli my byli... Perepiska byvsih carskih diplomatov. 1934–1940 / MID RF; Sluzhba vneshej razvedki RF. V 2 kn. M.: Geya, 1998. 1179 s. Kn. 1. 430 s.
- Yashchenko A.S. Yuridicheskoe polozhenie russkih za granicej // *Russkij Berlin* / sost., predisl. i personalii V.V. Sorokinoy. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2003. S. 38–42.
- Gafarowski D. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti uregulirovaniya pravovogo statusa russkih bezhencev v mezhoennyj period // VIII mezhdunarodnaya nauchno–prakticheskaya konferenciya «Rossiya i Evropa: svyaz' kul'tury i ekonomiki». Praha, 2014. C. 486–494. DOI: 10.13140/2.1.5115.7440
- Hathaway J.C. The evolution of Refugee Status in International Law: 1920–1950 // *International and Comparative Law Quarterly*. 1984. Vol. 33. N. 2. P. 348–380.
- Holborn L.W. The Legal Status of Political Refugees, 1920–1938 // *The American Journal of International Law*. 1 October 1938. Vol. 32. N 4. P. 680–703.
- Klein-Gousseff C. L'exil russe: la fabrique du réfugié apatride, 1920–1939. P.: CNRS, 2008. 335 p.
- Marrus M.R. The Unwanted: European Refugees from First World War Through the Gold War. Philadelphia: Temple University Press, 2002. 414 p.
- White E. The legal status of Russian refugees, 1921–1936 // *Comparativ. Zeitschrift fur Globalgeschichte und Vergleichende Gesellschaftsforschung*. 2017. P. 18–38. Sajt University of the West of England. URL: <http://eprints.uwe.ac.uk/id/eprint/33611>

Бочарова Зоя Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; kpzg@mail.ru

The role of the Russian emigration of the 1920–1930s in the development of universal refugee status

The article states the role of emigre organizations in the development of legal status for Russian refugees. Two stages of emigration lawmaking are clearly in evidence. The first stage dealt with issuing special identity certificates known as Nansen passports. The second saw the efforts of emigrant lawyers to adopt a unified legal status for Russian refugees. Emigrants' controversial positions on rationale for rejecting Russian passports and introducing new stateless ones are highlighted. The article shows both the role of Zemgor in elaborating the Certificate, and the role of the Central Legal Commission for the Study of the Situation of Russian Refugees in the preparation of the Agreement (1928) and the subsequent Convention (1933) relating to the status of Russian and Armenian refugees.

Keywords: advisory committee at the High Commissioner for Russian Refugees, Meeting of Ambassadors, K.N. Gulkevich, M.N. Girs, F. Nansen, T. Johnson, A.N. Mandelstam

Zoya Bocharova, Dr. Sc. (History), Professor of UNESCO Chair on Global Problems of the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University; kpzg@mail.ru